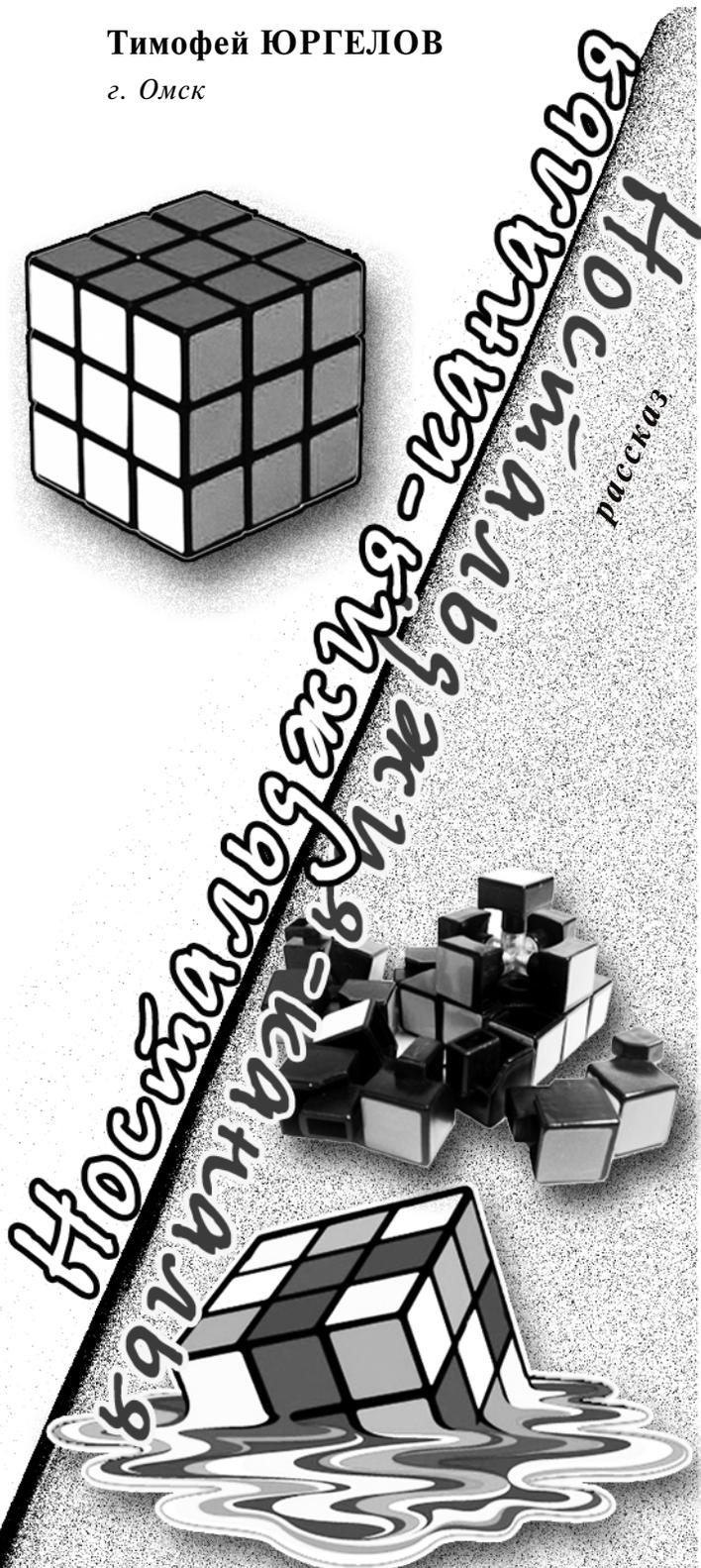
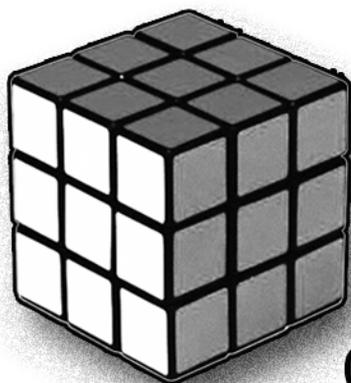

Тимофей ЮРГЕЛОВ

г. Омск

Под Рождество выпал снег — впервые за два года. Все знакомые ирландцы при встрече ёжились: «Вери кольд!» — «Ной! — убеждал он. — В Сибири холоднее: там минус тридцать» («There are thirty degrees below zero in Siberia...»). — «О-е, вери-вери кольд», — соглашались аборигены и ещё выше поднимали плечи.

Все пастбища, холмы, газоны перед бело-жёлто-серыми особняками покрыла слепящая гладь. Было странно видеть зелёный буковый лес под шапками снега. Мелкая речка, переливаясь на сизых перекатах, огибала белые островки с торчащей из них почерневшей травой. Воздух был, как эта сизая вода из речки, — обжигал отвыкшее горло. Серые развалины замка на горизонте уменьшились и стали ажурнее: казалось, снегопад за сутки обглодал их больше, чем ветер и дождь за сотни лет. Узкая дорога, петлявшая между пологими холмами, слепила снежным накатом, который не спешил таять. Спортивный велосипед на трубках выскальзывал из-под седока как живой — он несколько раз соскочил на ноги, но в конце концов всё же упал. Сел и снова больно хлопнулся плечом о лёд, не успев тронуться с места. Редкие машины, обгонявшие одинокого велосипедиста, старались объезжать его подале, и крались они осторожнее, чем обычно. С пастбищ исчез весь скот — видимо, его убрали в хлев. Только в одном месте ему встретились жмущиеся друг к другу чёрные овцы с побелевшими спинами.

Игорь жадно впивался глазами в этот странный пейзаж, но видел совсем другое: пургу, висающие в молочной пустоте розоватые берёзовые перелески, жёлтый тростник вокруг заметённых озёр, бурные метёлки бурьяна, серое низкое небо, вросшие в снеговые барханы чёрные избушки. К горлу подкатывал готовый разорвать его ком. Здесь, в чужой стране, он давно привык жить в этих снах наяву. И постоянно, даже когда вроде ничто не напоминало о родине, в мозгу звучала рефреном фраза: «Хочу домой...»

Раньше он смеялся над рассказами о ностальгии и не очень-то верил в тоску по родине. О чём тут можно тосковать? Что это вообще такое — тоска по родным пенатам? Неужели современный человек может быть подвержен

этому выдуманному чувству? И вот теперь угодил в ловушку собственной гордости.

На работе царил предрождественская лихорадка. Все: рестораны, монастыри, госпитали и даже Ирландская армия (не ИРА) — требовали к Рождеству индеек: «зэ мо — зэ бете» (*чем больше, тем лучше*). Тимми, маленький, пухлый средний менеджер, сновал между офисом и разделочным цехом с пачками заказов. Сначала с озабоченным видом, который Игорь не раз наблюдал у занятых делом ирландцев, потом с весёлыми шутками о том, как много денег они заработают благодаря его ордерам, и в конце — просто отдуваясь и вытирая якобы пот со лба, словно это не они, а Тимми таскал и резал двухпудовых индеек.

В небольшую комнату согнали «генералов»¹ со всего планта². Они с Пориком, Джоном, Бобби и Пи Джи³ разделявали индюков, а Джимми, Джеймс и Дарен натягивали на них целлофановые мешки, взвешивали и клеили этикетки, выползавшие из «лейбл-машин». Фрозен Брайан («замороженный» Брайан работал в морозильнике) подвозил на погрузчике всё новые партии коробок с птицей. Сначала нарастал вой электрокара, затем раздавался предупреждающий гудок, всплеск разрезной завесы из тяжёлого пластика — и в цех въезжала башня до самого потолка. Брайан опускал поддон, слышался лязг железных вил о бетонный пол, и погрузчик пятился задом, издавая жалобное попискивание. Несколько человек сразу подбегали к коробкам, срывали полиэтилен, в который они были замотаны для устойчивости, выхватывали индюков и бросали их на нержавеющей столы.

На лицах рабочих было то же деловое ожесточение, что у Тимми. Стерильно белое помещение напоминало босховский ад. В углу валялись пустые коробки, мешки с отходами, скомканный целлофан. На столах и на полу были разбросаны части расчленённых индеек; к стенам, фартукам бучеров⁴ и даже к потолку налипли ошметки мяса, по серому полу текла кровавая река. Сток забился, и там стояла буря вонючая лужа. Некогда было даже очистить решётку — изредка кто-нибудь бросался к ней со щёткой, как на амбразуру, однако это не могло спасти их от затопления. Гремел чёр-

ный «панасоник», и после каждой песни местное радио включало заставку «Джингл беллс».

Несмотря на погруженность в работу, то и дело кто-нибудь начинал подпевать и даже приплясывать на месте. Любая заминка в работе вызывала шутки и крики со всех сторон, которые из-за их скорострельности он плохо понимал, но привычно улыбался, так как и его заражали смех и предчувствие чужого праздника. Поднимет голову, криво усмехнётся — и снова перед глазами заснеженный город, заиндевелые троллейбусы, сумрачные ёлки с огромными уродливыми игрушками...

К концу рабочего дня руки гудели, от «Джингл беллс» уже мутило, в голове стоял туман. И тут он расслышал сентиментальные переборы «Hotel California». Усталость отступила, сладкий напев наполнил его тягучей тоской — сама собой, неведь откуда выплыла мысль: «Возьму отпуск, съезжу домой». Сначала — как утешение в этом метании от тоски к веселью: она вспыхнула как раз на перепаде настроения — и лица далёких близких стали реальнее забрызганной кровью белой стены.

Закончили работу поздно.

По дороге домой Игорь толкал велосипед, удерживая его за сиденье, и смотрел по сторонам... На огромные, словно витрины, окна иллюминированных золотым бисером особняков за низкими каменными заборами. Там в таинственной глубине мерцали серебристыми, тёмно-красными и синими шарами дорогие ёлки. В креслах у каминов сидели какие-то люди. На подоконниках горели белые канделябры, входные двери украшали хвойные венки с бордовыми лентами, почти перед каждым домом под занесённой снегом пальмой сиял электрический Санта в человеческий рост. В голове всё ещё звучал мотив «Eagles». И вдруг из этой смеси тоски, ожидания праздника и предстоящего одиночества рождественских каникул родилось твёрдое намерение: уеду домой. «Всё равно здесь работы не будет. Завтра же подойду к Стэну, попрошу отпуск. Билеты сейчас дорогие — да и черт с ним, не дороже денег. Хочу домой! Только надо всё побыстрее сделать, пока не начались их долбаные хolidэйз».

На следующий день была такая же горячка, как накануне. Игорь всё ждал, когда появится

Стэн, «биг босс» компании. Но Стэн не казал носа в их цех, — наверно, чтобы не видеть того бедлама, с которым постоянно боролся. Ходить же наверх, к нему в офис, было не принято. И вот после обеда, когда они с Пориком и Дареном пошли в соседний цех, где хранилась охлаждёнка, переклеивать на залежалых индюках старые этикетки на новые — трук⁵ с индейскими курами задерживался, а Ирландия требовала всё новых птичьих жертв, — в холодильнике заглянул Стэн. Он только сверкнул очками и тут же попытался скрыться.

— Сорри, Стэн!.. — погнался Игорь за ним. — Ай'м соу сорри... Куд ай аск ю? (*Могу я просить тебя?*)

— О, ноу проблем. — Стэн остановился вполоборота к нему и расплылся в мягкой улыбке, которая никак не вязалась с его репутацией жёсткого босса.

Ирландцы при виде Стэна тут же улетучились. Если они о чём-то просили его, то только через супервайзера Пэша. Лишь обнаглевший русский мог заговорить с боссом вот так, запанибрата, да ещё просить о чём-то небожителя.

Теперь, казалось, Стэн и сам испытывал неловкость. Может быть, из-за своего малого роста, а может, это было обычное лицемерие перед иностранцем. Стараясь держаться как можно увереннее, так как из всех углов за ним наблюдали, Игорь, заложив руки за спину, спросил, может ли он взять отпуск на время рождественских каникул. Стэн задумался, глаза под очками опустились куда-то в сторону.

— Ноу проблем, — снова улыбнулся Стэн и попытался улизнуть, но Игорь не дал.

— С какого числа? И как насчет денег для моего отпуска? (*What date from?.. How about money on my holiday?*)

— Ай'л тел ю... (*Я дам знать.*) — И всё же выскользнул из железной хватки русского.

«Ну вот и всё... — замер Игорь в растерянности от своего скоропалительного решения и легкой победы. Перед ним разверзлась пустота перспективы, которую нужно было чем-то заполнить, а он стоял перед ней, опустив руки. — Что надо сделать-то?.. Ну, во-первых, заказать билет». Он направился в драйвер-офис, где был телефон.

Там, положив ноги на столы, сидели водилы и курили. Дым стоял коромыслом, в этом дыму

маячил супервайзер Пэш, собиравший ордера у драйверов и раскладывавший их на своём столе.

Игорь поздоровался с теми, кого ещё не видел, и спросил у Пэша разрешения позвонить — гул голосов смолк.

Пэш, как всегда в разговоре с русским, сдвинул брови и уставился на него, делая вид, что не понимает. «Вот ирландская собака, всё же прекрасно понял — хочет, чтобы я объяснил, куда буду звонить. Ладно...» Он сказал, что Стэн даёт отпуск и ему нужно (буквально — он нуждается) заказать билет на самолёт.

— О-о-у! — преувеличенно вытянулось лицо Патрика, и он махнул бумажками в сторону чёрного телефона и жёлтого справочника, тут же потеряв интерес к русскому. Волшебное слово «Стэн» открывало все двери.

В представительстве «Аэрофлота» сказали, что он должен получить еще ретерн-визу в Форин-офисе (то есть возвратную визу в Министрстве иностранных дел), чтобы после отпуска его пустили назад в Ирландию. «У-у, ирландские обезьяны! Вечно чинят всякие препоны!»

— Пэш! — закричал он, положив трубку. — Кэн ай гоу ту Дублин фор виза тумороу? (*Могу я съездить в Дублин за визой завтра?*)

Пэш опять сделал строгое лицо: работы невпроворот, а он в Дублин собрался — кто будет снабжать Ирландию индюками? Но раз Стэн разрешил, значит, «ю кэн».

— Завтра идет трук в Дублин?

— Обратись к Джону.

Джон, долговязый, огненно-рыжий драйвер, сидел тут же и что-то писал в своих бумажках.

— Джон, хау эбаут ту лифт ми... (*Джон, как насчет подбросить меня...*)

— Ноу проблем... — он слышал их разговор — все тут его слышали и, кажется, только этим и были заняты.

— Вот тайм? (*Во сколько?*)

Джон что-то прикинул в уме и ответил:

— Файф о клок. (*В пять.*)

— Бефо зе меридиум? (*Утра?*)

— Шу. (*Само собой.*)

— Ит-с соу кайнд оф ю.

— Нот эт ол.

На следующее утро они уже мчались по про-

сыпающемуся снежному графству Голуэй в сторону восточного побережья. Да, на восток, всё время на восток, и это лишь первый шаг по дороге к дому!

В машине снова дилинйкал «Джингл беллс», но сейчас это не раздражало. Джон включил в кабине печку — было тепло и радостно.

— Вери кольд, — поёжился рыжий верзила.

— О-е. — «Как же вы задолбали со своим верикольдом!» — но не было злобы.

Джон протяжно рыгнул и извинился: «Экскьюз ми». Он был всегда подчёркнуто галантен и неразговорчив, этот Джон. По крайней мере, он всегда просил прощения, когда рыгал, в отличие от других айришей.

— Вен гоинг ту кам бэк? (*Когда назад?*)

— Ай доноу... Мэйби ин ту ауэс. (*Не знаю... Может, через пару часов.*)

— ОК. Ай'л бэк бай трэйн. (*О'кей. Вернусь на поезде.*) — «Бай ваш долбаный ирландский трэйн».

Форин-офис находился за Сант-Стивенс-Грин, если идти со стороны Лиффи. Грин был сейчас уайт⁶. «Поссать хоть напоследок на ирландскую землю». — Залез в куртину каких-то декоративных кустов: попробовал вывести на снегу по-английски «fuck», но на «с» и «к» не хватило мочи. «Fu» — тоже неплохо, подумал он каверзно.

В отделении для гастарбайтеров набилось полно китайцев или вьетнамцев, было несколько негров да пара русских. От них он узнал, что надо оплатить визу, занял очередь за каким-то индусом и побрёл искать банк, ругаясь про себя. «Вот сволочи, даже тут стараются выцыганить трудовые муньки!» После обеда получил вожделенную зелёную наклейку в паспорт и с лёгким сердцем вышел на морозец из душевой конуры.

Зашёл в агентство, купил билет на самолет. Чернявая ирландка с крючковатым носом и глазами навывкате нашла то, что нужно: утренний рейс из Шеннона. Шеннон так Шеннон — добираться даже ближе. Правда, придётся с вечера туда приехать, зато прилетит домой тридцатого и отоспится перед праздником. Жене решил не звонить — сделает сюрприз на Новый год.

Надо же ещё купить какие-то подарки ей,

детям, родителям, сестре и племяннице: сейчас у них тут распродажи, хотя Берни говорит, что это надуваलोво и настоящие распродажи начнутся после Нового года. Но тем не менее не явишься же с пустыми руками. Ну, друзьям хватит по бутылке виски из дьюти-фри, отцу — коньяк французский, брату жены — тоже какую-нибудь дрянь. А вот ради дам придётся расстаться. Тут где-то торговый центр рядом с Сант-Стивенс-Грин и улица магазинов.

Народу везде — пушкой не прошибёшь: все с пакетами, все «делают шопинг». А кто работает, блин, русские, что ли? Хотя он — русский и тоже болтается без дела. Накупил всякой ерунды и детям, и матери с сестрой. Везде просил: «Кэн ю гив ми э дискаунт?» — скидку давали не везде. «У, жадная ирландская морда! Чтобы у тебя индюк сторел в духовке на Кристмас!» А жене решил подарить что-нибудь особенное. Вышел на улицу с двумя бумажными пакетами, направился по Графтон-стрит в сторону Тринити-колледж.

Увидел магазин нижнего женского белья. Вот что-нибудь такое... Двери разъехались — и он сразу почувствовал неладное: в магазине было пусто, ни одного покупателя, только три шоп-эссистента⁷ возле мраморной конторки в позе трёх граций под двумя голубками, во всю стену, в одних трусах. Заметив Игоря, все трое с улыбками, крадучись, направилась в его сторону, сложив руки в замок у самого лона:

— А ю окей?

Боковым зрением уже читал этикетки: везде трёхзначные цифры перед точкой. «Ай-м нот окей! Ай-м даже совсем не окей... За такой цена моя покупай дублинка мой жена, а не только красные трусы из трёх ниточек и спаренный тюбетейка для сиамских близнецов. Понимай вы это, ледис, три большой белый женщин». Но вслух только: «Йес...» И пятысь к двери: «Ит воз мистейк. Сорри⁸...» А они наступают, изголодавшись по покупателям, — может, это даже какие-нибудь нимфоманки шопинга? «А ю интрестид ин линжер⁹?» (Он остановился перед витриной с женскими торсами в трусах и лифчиках.) Пехапс ви кэн хелп ю...¹⁰» Пехапс-пехапс — перепихапс бы вас всех, да мне некогда. «Сим-сим, откройся» — но сим-сим не открывался. Это западня!

Здесь, наверно, какой-нибудь дёти-клуб¹¹ внизу — всех заработанных за год денег не хватит, чтобы потом рассчитаться. А девки неплохие, краше обычных ирландок. Можно было и задержаться: не ровён час эксклюзивный показ на себе своих моделей устроят — если бы не поезд. Наконец двери раскрылись, — Игорь, не глядя, пятился мимо них и выскочил на улицу, оставив трёх разочарованных граций с их же драгоценными «грациями» и «тюбетейками». Купил линжери¹² якобы от Calvin Klein в каком-то узком проулке в десять раз дешевле.

По улице, сияющей рождественскими огнями, вплетёнными в траурные венки и гирлянды, с Санта-Клаусами и хлевами, с хором в красных колпачках и каким-то антиглобалистом, толкающим речь в окружении глобалистов, вышел на берег Лиффи. «И, гуляя вдоль по Лиффи, видел разные там лифы! — продекларировал он под впечатлением от элитного магазина. — Хреновый из меня поэт...» Тогда была мода носить под майкой бюстгалтеры бретельками наружу. Сейчас бретельки спрятаны под шарфами и куртками. «Замёрзли, суки!» — шёл и радовался. Здесь, наверно, шлялся этот бездельник, рогатый Одиссей?.. На двухэтажном бусе доехал до Хьюстон-трэйн-стейшн. Уже в сумерках его несло в тёплом вагоне с лёгким покачиванием среди заснеженных пустошей, с островами чёрного вереска. Когда ж, зелёный край, ты скроешься за паром голубым!

На следующий день, в канун Рождества, заказов было мало: очевидно, христианский мир подготовился к индюшачьей гекатомбе. На работу вышла едва ли половина всего штата. Они с Пориком выполняли редкие заказы, в промежутках наводили порядок в загаженном цехе. Как всегда, играла музыка, вдруг бархатный баритон запел: «From Russia with Love»¹³.

И тут же, переделав слова, Игорь стал подпевать: «To Russia with love I'm flying from you...»¹⁴ Порик остановился и задумчиво прислушался. В этот момент в цех вошел Пэш с маленьким жёлтым конвертом, в каких выдавали зарплату. Нахмурился, словно подумал: что этот русский себе позволяет, — но затем, поняв соль, расцвёл в улыбке и показал большой палец.

— Игор! Зис ис фо ю (*это тебе*), — протянул конверт.

— Сенк ю эвэ соу муч!

Тот развернулся и махнул рукой: нот эт ол. В конверте с отпускными было больше, чем он ожидал. Про себя отметил, что уже без внутреннего сопротивления произносит на ирландский манер: «фок», «муни», «хау муч», «Руша»... «С волками жить, по-волчьи выть!» — Хотя в последнем случае так даже привычнее, и какая-то нежность слышится: Ру-у-уша...

Разошлись рано, после обеда уже никого не было: сочельник, «кримстмас ив». Закончив уборку, Игорь уехал последним. По дороге завернул в поб, там тоже было пусто: во дворе — ни одной машины, в зале — ни одного посетителя. За стойкой протирала стаканы сама Ниф, владелица заведения, — видимо, собиралась закрываться, однако дружелюбно улыбнулась: «Мерри кримстмас». — «Мерри кримстмас ту ю ту-у-у. Вери кольд!..» — Он сам первый поёжился и заказал «Гиннесс», желая пресечь разговоры о погоде. Пока Ниф готовила ему пиво, несколько раз доливая и отстаивая, она тараторила только о ней, проклятой. «Чёрт меня дёрнул первым начать про верикольд. Ответил бы ей про то, как холодно в Сибири, и на этом бы разговор закончился», — думал Игорь.

Взял бокал, сел за дальним столиком, чтобы больше ничего не слышать. Начал пробираться губами через плотную, как сливочный крем, шапку к живительной влаге. Заказал еще пинту. Ниф закончила протирать посуду и что-то переставляла у себя за стойкой, поглядывая на него. Когда поднимал глаза, она тут же улыбалась. «О, лицемеры! — думал он. — Видно, нужно идти ставить своего индюка, а тут сидит этот русский и пиво дует». Не стал дольше мучить её, пожелал ещё раз весёлого Рождества и вышел из поб — с полным животом жидкости, с колкой отрыжкой и острой тоской, которая сейчас, в преддверии чужого праздника, стала просто невыносимой: впереди его ожидала неделя полного одиночества. Даже пивной хмель не смог её разогнать, напротив, она вытеснила лёгкую эйфорию. «Это потому что пиво заказал... Надо брать виски — тогда было бы всё по-другому», — думал он, садясь на велосипед. Вспомнил, что дома его ждёт бутылка порто.

Было уже темно, на улице — ни души. Ни одной машины не встретил он по дороге. Только уютные домики, разбросанные по холмам, сияющие, как елочные игрушки или те, выставленные в витринах, рождественские вертепы. В небе полно ртутных брызг и освещённый на три четверти шар луны, теневая половина видна так же отчётливо, — казалось, со всеми морями и горными цепями. И словно чёрные дыры в этой рождественской декорации лес и силуэты древних церквей и замка. Вдруг он увидел бегущего по заснеженному пологому склону ему наперерез белого зайца — вернее, сначала его тень, а потом — зайца. Не кролика, которых здесь несметное множество, а настоящего «нашего русского» зайца, несущегося размашистым галопом, который ни с чем нельзя было спутать. Он то сжимался как пружина, то вытягивался в одну линию. «Ишь ты, за несколько дней успел выбелиться!» Игорь вспомнил, как однажды подстрелил русака на таком галопе в то мгновение, когда тот оторвался от земли: дробь пробилла сердце — и он как летел вытянутый в струнку, так и начал крутиться подобно пропеллеру: перевернулся раз пять. «Обязательно съезжу на охоту, когда буду дома».

Однако заяц не собирался останавливаться или менять направление, а так и продолжал бежать мимо чёрных кустов Игорю наперерез. Скорее всего, он не видел едущего за забором велосипедиста. В Игоре пробудился охотничий азарт: он не смотрел больше по сторонам, — следил только за увеличивающимся зайцем, пригнув голову к рулю. Тот был уже так близко, что Игорь мог разглядеть в лунном свете точки глаз и чёрные кончики прижатых к спине ушей — зверёк не был испуган, он просто летел во весь мах по каким-то своим заячьим делам. По ту сторону каменного забора росли кусты. Заяц обогнал велосипед и скрылся за ними. В них он и ляжет, подумал Игорь: через забор же он не перепрыгнет... И вдруг впереди мелькнули сваренные из труб ворота, через которые загоняли скот. И тут же из-под ворот на дорогу, чуть ли не под колеса, вылетел заяц. Он инстинктивно надавил на педали... Но косой повернул голову — Игорь заметил этот полуоборот и глядящий назад выпуклый глаз, — заяц подпрыгнул, согнулся в три погибели и врезал так задними ла-

пами по асфальту, что сразу отлетел метров на пять вперед, и потом прыгнул вбок, и скрылся за такими же воротами с другой стороны дороги. Игорь весело засвистел улепётывающему по полю зайцу: «Ай, красава!» Настроение у него заметно улучшилось.

Дома он прибавил огня в камине — пока бывал на работе, чтобы сэкономить солянку в цистерне, прикручивал вентиль и оставлял слабый язычок пламени, поэтому в каменном домике, где он жил, было ненамного теплее, чем на улице. Сел поближе к камину, откупорил бутылку портвейна, налил в стакан и стал греть в руках, чуть не сунув их в топку. Не сводил глаз с синей дуги горелки. Ещё раз увидел в этом сиянии летящего через поле зайца, а потом этот прыжок, от которого даже сейчас захватывало дух. Начал согреваться и отпил глоток вина, ароматное тепло, словно Вифлеемская звезда, выпустило лучи из желудка во все стороны. «Скоро и я совершу такой же прыжок в пространстве и окажусь на другом конце света», — стал думать о предстоящем полёте. Представил, какое лицо будет у жены, как побегут к нему дети... Или не побегут?.. Успели уже отвыкнуть и будут стесняться. Ну, старшая, может, и побегит. Что будет говорить матушка — потом придут друзья... Он налил себе ещё вина... «А ведь плохая примета — заяц через дорогу...»

Это был аэробус Илюшин (тогда им ещё разрешали летать над Европой), совершавший по дороге с Кубы дозаправку в Шенноне. Когда он прошёл через бизнес-класс, не отгороженный на этот раз от эконома шторкой, то вдруг почувствовал, что попал в другой мир. Точнее, вернулся в знакомый ему мир: самолёт перевозил русских туристов. В салоне пахло перегаром и колбасными отрыжками, табачным дымом и туалетом, — как в советском поезде, подумал Игорь с удовольствием. Здесь русский дух, здесь Русью пахнет!

Его место находилось рядом с двумя кубинцами, которых можно было узнать не только по серой коже, но и бедной, выцветшей одежде. Оба устали в чёрный иллюминатор и не отрывали от него глаз. Вокруг же происходило красочное движение, которому не помешал даже взлёт. Бортпроводники дремали в задних

креслах — или делали вид, что спят, чтобы не пришлось усаживать бродящих пассажиров в ядовитых майках, тропических рубашках и цветастых бриджах. Через пару рядов впереди — мордатая компания, выставив сумку в проход, резалась на ней в карты. Ещё две компании пили, потчуют друг друга из пакетов дьюти-фри французскими коньяками, которые наливали в пластиковые стаканы и закусывали колбасой. Все это сопровождалось шумными перемещениями по салону, тостами, взрывами хохота и чоканьем. Курить ходили в хвост. Видимо, ребята подружились ещё на Острове Свободы. Не было, кажется, ни одного ряда кресел, где бы не двигались головы с жирными загривками и пергидрольными начёсами. По узким проходам туда-сюда сновали толстяки, с трудом расходившиеся друг с другом. При каждом застревании животами начиналось братание, переходящее в возлияние. Один низкорослый толстяк в чёрной футболке с воющими на луну волками на пузе останавливался перед каждым креслом и грозно вглядывался в пассажира. Дольше всего он сверлил европейского вида пару, оба в экологических ветровках и очках — Игорь прозвал их про себя «скандинавы», вероятно, за светлые волосы. Непонятно, как они попали в этот вертеп: что им было нужно на Кубе и что нужно в Москве? Возможно, совершали круиз по руинам коммунизма. В своих креслах они сидели вытянувшись, лишь искоса поглядывая на происходящее вокруг броуновское движение. Когда же к ним подошёл этот хряк с волками, они вцепились в подлокотники и стали изучать карманы передних кресел с торчащими из них буклетами. «О, европейская земля, уже ты за шеломом!» — думал со злорадством Игорь.

Самолёт из Москвы до его родного города был ещё хуже, чем предыдущий: он весь дребезжал и ходил ходуном. Под протёртыми до дыр чехлами сквозили вытертые серые сиденья, грязь въелась в пожелтевший пластик на дециметр, ящики для сумок не закрывались и крышки качались над головами, как опахла. Пассажир впереди читал газету, Игорь безотчётно вглядывался и не мог понять, на каком она языке. «Ба, да это на русском!» —

осенило его: латинских букв больше не будет — наконец он дома. «Дома — вашу мать! Прилизанная, лицемерная Гейропа с её улыбочками, запахом духов в сортирах, с предупредительными двухметровыми полицейскими, приторной филантропией на каждом шагу осталась далеко позади — здравствуй, настоящая жизнь без прикрас. «Да, она мне нравится, хоть и не красавица. Простая, грязноватая, суровая родина — ну, здравствуй! Как ты тут без меня?..»

В самолёте внутренних линий уже не аплодировали при приземлении. Игорь едва дождался своего бегемота на роликах, пока тот доедет по эллипсу карусели — нетерпение чуть не разорвало горло. А вокруг — настоящая зима с колким морозцем, перехватывающим дыхание, с сугробами по колено! «Это вам не ваш вери-кольд, гребаные айриши, это самый что ни на есть фокин рашен фрозен!» И всюду — спускался ли он по трапу, курил ли у выдачи багажа — с наслаждением вслушивался в русскую речь. «Ну, вот и всё: я дома. Через пару часов на тачке я окончательно буду дома. Жена завизжит от неожиданности и бросится на шею, дети будут распаковывать подарки, мать — глядеть и утирать слезы». Волны счастья одна за другой накатывали и накрывали его с головой.

На выходе из аэровокзала столпилась очередь, из всех дверей была открыта одна. На стуле перед ней сидел милиционер с автоматом на коленях в засаленном бушлате и шапке на затылке. В глаза сразу бросилась синяя в наколках рука, лежавшая на облезлом цевье, из нагрудного кармана торчала рация. Землистое лицо, но не как у кубинцев от холода, а скорее от палёной водки, — налитые брыла, отвисшая челюсть и мутные глаза, которые нагло оживились, как только встретились с его глазами. Мент тут же перевёл их на другого пассажира — вспыхнувшее в сердце беспокойство погасло. «Чёрт! Где они такие хари находят? Нет, всё-таки лучше ирландский полицей, чем этот мент-урка». Люди шли мимо и показывали милиционеру паспорта, на которые тот почти не обращал внимания, — над свалывшейся колтунами шапкой была приклеена к стеклянной двери бумажка «Внимание! Предъяви паспорт!». «Зачем паспорт при выходе? — подумал Игорь. — Ах да, у них же тут антитеррористи-

ческая операция». Мутные глаза скользили по очереди — и вдруг снова зацепились за него и также поехали скользить дальше, а рука потянулась к тангенте на лацкане. Игорь подкатил чемодан на роликах и раскрыл заграничный паспорт. И тут урка с автоматом вцепился глазами в его докет. Игорь подумал: «Чёрт, надо было показать внутренний пасс», — но уже беспрпятственно миновал последний кордон. Перетащил через пороги чемодан и покатил с легким сердцем по пустой площади в сторону перегоревших выезд бетонных блоков.

Нужно было пройти мимо кирпичного, с железными ставнями здания, чуть больше трансформаторной будки. Вдруг от его стены отделилась мышьяная фигура, перечёркнутая чем-то древесно-воронёным у пояса, — вероятно, АКС, — голова мента склонилась набок и что-то отвечала в висающую, как аксельбант, тангенту. Игорь шёл, не глядя на него, но уже всё понял. Как-то сразу почувствовал себя голым на этой белой площади, в новой «мытой» дублёнке, с огромным бегемотом на привязи, с лэптопом через плечо. Такое же уркаганское, серое лицо, только худое, с дряблыми брылами, дохнуло перегаром.

— Предъявите паспорт, — сказал страж закона, глядя мимо мутными зелёно-коричневыми, словно слепленными из козюлек, глазками.

— Зачем? — Внутри у Игоря что-то оборвалось и полетело в пропасть.

— Проверка документов, — сказал милиционер, и тут же из-за угла показался ещё один, такой же серый, с землисто-пунцовым лицом, похожим на красную, пышущую энергией картофелину.

— У меня только что проверили на выходе из вокзала.

— Я откуда знаю: проверили или нет — у нас антитеррор!

Игорь достал снова свой паспорт, мент почти выдернул его из руки и не глядя засунул в карман. Мелькнула мысль: «А, ерунда — другой куплю...»

— Пройдёмте...

— Вы паспорт проверьте, — попробовал он заикнуться.

— Пошли, чё, препираться будем? — зашипел сбоку второй милиционер, тоже перечёркнутый автоматом.

— Да пожалуйста... — Мятная слабость потекла от сердца к рукам и ногам, перехватила горло.

Завели в обшарпанную комнату с несколькими столами. Воняло здесь табаком и кислотой. Откуда-то появилось ещё несколько мышьяных фигур, среди них белёсый старший лейтенант с белыми волосками на раздвоенном кончике носа. Все терпеливо смотрели на Игоря, лейтенант пощипывал волоски на носу, в пощипывании этом читался приговор. Сесть не предложили, — может, все-таки скоро отпустят... Он стоял по одну сторону стола, старлей — по другую.

Первый мент протянул паспорт лейтенанту, тот раскрыл и сравнил с Игорем.

— А наш российский паспорт у вас есть? — «Ща! Я вам ещё внутренний пасс отдам!..»

— А это что, не российский?

— Ладно... — опустил руку с паспортом. — Валюта есть? — «Ну правильно — чего церемониться — сразу быка за рога!..»

— Есть немного... — Он где-то читал или слышал, что лучше в разговоре с представителями закона говорить правду, но не всю.

— Покажите.

Чёрт, она же у него вся в трусах: несколько прищипленных к резинке женских «следиков», которыми снабдила его перед отъездом жена. Бросило в жар, стало страшно неловко: как же он будет при незнакомых людях растягивать штаны и доставать из трусов деньги — словно куркуль какой-нибудь. А не достанешь — обыщут: и что тогда?.. Странное чувство: тебя грабят — а тебе стыдно, что деньги в трусах защиты... И всё равно еще теплилась надежда, что это всего лишь проверка. Начал расстегивать джинсы — и остановился...

— Может, не надо?..

— Надо, Вася, надо!.. — проговорил с блатной интонацией краснолицый.

— Зачем?

— Должны мы проверить: поддельные они у вас или нет?

— А как вы определите?

— Отправим на экспертизу.

«Нет, не проверка — грабят: отправят — себе в карман!.. Эксперты, вашу мать!..»

Дикое отчаяние забило в сердце, выдавило остатки стыда: «Всё, плакали мои трудовые денежки...» Прошиб жгучий пот; глупо, преда-

тельски задрожали руки, когда расстёгивал английские булавки, выворачивал следики и доставал зелёные, розовые, голубые пачки... Лучше было спуститься в подвал того бутика с тремя грациями и просадить всё там... Его действия, однако, не вызвали в присутствующих никакой реакции: все отнеслись с пониманием. В процессе появления денег главный вёл допрос: откуда прибыли, чем занимались за границей, сколько получали...

— Вы не беспокойтесь, мы вам расписку дадим, что валюта изъята на экспертизу... — Может, это все-таки обычная проверка? — проклятая надежда, о которой писал ещё Солженицын, лишаящая эка сил к сопротивлению.

— Я их в банке купил — у меня чеки имеются... — последняя попытка схватиться за соломинку их совести. Достал из бумажника чеки — старлей без энтузиазма развернул один из них и возвратил Игорю. Чеки вернул, а юро, баксы и стёрлинги выложил возле себя на столе тремя стопками — и не побрезговал из чужих трупов взять! Деньги не пахнут...

— В каком, в российском банке?

— Да почему в российском? В ирландском...

— Не-е, чужим банкам мы не доверяем!..

«Ага! Своим, значит, доверяете — ну-ну...»

— Откуда мы знаем, что тут написано?

«Товарищ старший лейтенант, вы же в школе, наверно, английский учили: «Who is on duty today?»¹⁵ Всех матери старались устроить в класс с английским языком: вдруг в жизни пригодится...»

— Давайте я вам переведу...

— Отведите его в комнату для досмотра.

Нет, он был не прав: это — проверка-ограбление, такой отечественный жанр — заодно и проверить ...

— Какого досмотра?! Я же вам всё показал...

— Может, у вас еще что запрещённое есть?..

Игорь оглянулся: деньги, чемодан, лэптоп сиротливо прощались, словно с приговорённым... Ещё где-то он слышал или читал, что следует грабителям отдавать всё ценное, чтобы не лишиться здоровья или даже жизни.

В другой комнате с одним облезлым столом два суровых стража порядка предложили выложить всё из карманов. Того, с серыми морщинами, что преградил ему путь на площади, сра-

зу привлекло портмоне. Опытными руками стал извлекать и раскладывать на столе разные бумажки, тщательно расправляя и читая их. Рубли пересчитал и сложил отдельной стопкой. И вдруг — он совсем забыл про него — достал старый бейджик с какой-то вшивой презентации, полученный обходным путём, где было сказано, что Игорь — член некоего занюханного союза журналистов, о котором сам он ни слухом ни духом... Просто валялся в бумажнике на всякий случай — и вот этот великий случай настал... В распротёртом на лопатках борце вспыхнула надежда на победу. У него в пересохшем горле даже что-то перевернулось:

— Я, кстати, являюсь спецкором регионального информагентства... (Какого агентства — куда его несло?! — но инстинкт подсказывал, что так круче.) У меня много друзей среди московских журналистов...

Господа, это было время, когда журналистов еще называли четвертой властью! Бдительный страж взглянул внимательными козюльками и с липовым бейджиком ушёл в соседнюю комнату. Его подручный перестал потрошить пачку сигарет, в которой искал, наверно, поддельную валюту. Неужели сработало?..

Первый вернулся без бейджика и велел складывать всё в карманы. Они вывели Игоря назад в большую комнату. Валюты на столе не было (уже, видимо, отправили — оперативники!), но компьютер лежал на прежнем месте. Щуплый сержант что-то торопливо запихивал в пасть его чемодана. В руках у старлея был бейджик, он искоса, пощипывая волоски на носу, взглянул на Игоря.

— Так кем вы работали за границей?

— Дженерал оперэтив.

— Это что такое?

— Ну... Дженерал значит генеральный, а оперэтив... э-э, операционист. Что-то вроде главного пресс-атташе одной большой компании... А так являюсь действующим спецкором госинформагентства, у меня много влиятельных друзей среди московских журналистов на ведущих телеканалах...

Старлей похлопал бейджиком по круглому ногтю большого узловатого пальца, вставил его в паспорт и протянул Игорю.

— Хорошо... — произнёс он задумчиво.

В сердце Игоря заиграл большой симфонический оркестр «Оду к радости». Милиционер выдвинул ящик стола и выложил перед ним все три пачки вражеских купюр. (Игорь оценил их высоту: нет, еще не успели провести «экспертизу» — все вроде на месте.) С внутренним сопротивлением придвинул к нему:

— Забирайте...

Пока он распихивал хрусты по карманам, лейтенант испытующе смотрел в лицо, — очевидно, придумывал завершающую фразу.

— Ну, хоть компьютер ваш покажите, что ли, — с доброй, примирительной улыбкой попросил старлей.

— А это — пожалуйста...

«Смотрите, товарищ лейтенант, и вы, товарищи менты, смотрите, — он раскрыл перед ними лэптоп. — Можете даже нажать вот эту кнопку: он работает без рЕзетки — вы такого никогда не видели, разве что в американских фильмах. Ну всё, сеанс окончен: прикоснулись к красивой жизни и хОрэ...»

В расстёгнутой дублёнке, весь в мыле, с лэптопом через плечо и бегемотом на привязи, не веря своему счастью, он, как тот заяц, чуть не угодивший под колеса его велосипеда, вдруг вырвался на простор площади. Подстёгиваемый безудержным ликованием, уже в сумерках Игорь почти бежал по направлению к автобусной остановке: лица бомбил, крутящих ключами возле

помятых «шестёрок», не внушали ничего, кроме любви к общественному транспорту...

И уже сидя на драном сиденье автобуса и глядя в темноту окна: «Ну, здравствуй, родина-мать!.. Вот я и дома, теперь уже точно — дома...»

Из чемодана исчезли две бутылки виски и линжери, поэтому жена осталась без подарка. «Товарищ сержант, досматривавший бегемота, неужели вы думаете, что эта субтильная тряпка налезет на вашу суженую? Или вы для себя брали?...» Хотя, может быть, он возводит напраслину на честных блюстителей закона: бельё просто выпало в спешке под стол и никто не заметил...

Примечание

- 1 От «дженерал оператив» — англ. разнорабочий.
- 2 Refrigerating plant — хладокомбинат.
- 3 Сокращенное от «Патрик Джеральд».
- 4 Бучер — мясник.
- 5 Трук — грузовик, здесь — фура-рефрижератор.
- 6 Белый.
- 7 Продавец.
- 8 Это ошибка. Простите.
- 9 Интересуетесь бельём?
- 10 Наверно, мы можем вам помочь...
- 11 Здесь: стриптиз-клуб.
- 12 Бельё.
- 13 «Из России с любовью».
- 14 «В Россию с любовью я лечу от вас».
- 15 Кто сегодня дежурный?

Тимофей ЮРГЕЛОВ —

прозаик, драматург, поэт.

Лауреат национальной премии «Заветная мечта» (2009),

победитель Омской лаборатории современной драматургии (2012),

вошёл в шорт-лист

Конкурса конкурсов «Новая пьеса»

на «Золотой маске» (2013) и др.

Живёт в Омске.

В журнале «Север» публикуется впервые.

